

Х Р О Н И К А

СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИТОГАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 1956 ГОДА

25—30 марта 1957 г. в Москве состоялась сессия Отделения исторических наук АН СССР, проходившая вместе с Пленумом Ин-та истории материальной культуры и заседаниями Ученого Совета Института этнографии АН СССР. На Сессии были подведены итоги археологических и этнографических исследований 1956 г. В работе Сессии приняли участие сотрудники центральных научных учреждений Москвы и Ленинграда, а также многочисленные этнографы, археологи и музейные работники, представлявшие научные учреждения союзных и автономных республик, краев и областей. На Сессии присутствовали и зарубежные гости — ученые из Болгарии, Польши, Венгрии, Румынии, Монгольской Народной Республики, Германской Демократической Республики. Большое внимание участников Сессии привлекли традиционные выставки, на которых были представлены наиболее интересные археологические и этнографические материалы экспедиций 1956 года.

Сессия открылась вступительным словом заместителя академика-секретаря Отделения исторических наук П. Н. Третьякова, который приветствовал советских и зарубежных ученых — участников Сессии.

С докладом «Древние города Монголии» выступил С. В. Киселев (ИИМК АН СССР), который, основываясь на материалах полевых исследований, проведенных советскими и монгольскими учеными, предпринял попытку пересмотреть вопрос о возникновении городской жизни на территории Центральной Азии. Докладчик указал, что прежние представления о безраздельном господстве кочевничества на территории Монголии с I тысячелетия до н. э. в свете новых данных не может более считаться обоснованным. Докладчик отметил, что уже в хуннскую эпоху некоторая часть населения вела оседлый образ жизни, причем помимо поселений открытого типа возводились и укрепленные поселения (в бассейне рек Енисей, Керулен, Селенги найдено 10 хуннских городищ). В эпоху Уйгурского ханства возникают новые центры оседлости, из которых наиболее крупным был Хара-Балгас на Орхоне; там открыты остатки дворцовых построек, цитадели и обширных городских кварталов, некогда заселенных ремесленниками. В эпоху господства в Центральной Азии киданей (X—XII вв.) строительству городов при участии уйгуров продолжалось (городища Харухан-Балгас, Чин-Тологой, Зуун-Хэрэм, Бара-Хот I). С. В. Киселев в общих чертах остановился на исследованиях столицы чингизидов Кара-Корума, культура которого отражала сильное влияние древнего Китая. Заключая, докладчик отметил, что в позднейшие эпохи роль оседлых центров заняли поселения в районе ряда буддийских монастырей, возле замков феодалов, а в XVIII—XIX вв. поблизости от военно-административных центров, созданных маньчжурскими властями.

В обстоятельном докладе К. Михаловского (Польская Академия наук) и В. Ф. Гайдукевича (ИИМК) были подведены итоги работ советско-польской археологической экспедиции в восточном Крыму. Работы этой экспедиции проводились на античных городищах Мирмский, Илурат, Нимфей. Кроме того, были предприняты раскопки поселения эпохи бронзы у дер. Каменки и проведен ряд разведывательных маршрутов. Работы советско-польской экспедиции в Крыму позволили внести ряд весьма существенных дополнений в историю Боспора.

С докладом «Некоторые спорные вопросы финно-угорской археологии» выступил А. П. Смирнов (ИИМК). Докладчик подчеркнул, что в послевоенные годы работы в области финно-угорской археологии были значительно расширены — были проведены исследования в Западной Сибири, в Приуралье, на территории Прибалтики. В то же время ряд «белых пятен» имеется на территории древней мордвы, веси, в чувашском Поволжье. Отметив твердо установившееся мнение о заселении финно-уграми северной Восточной Европы еще в мезолитическое время, А. П. Смирнов далее охарактеризовал

ложные этнические процессы, протекавшие в степной и лесостепной полосе в эпоху бронзы. Касаясь дискуссионного вопроса о происхождении ананьинской культуры, докладчик возражал против теории о расселении ананьинцев в конце VIII—VII в. до н. э. из Среднего в Нижнее Прикамье и в районы марийско-чувашского Поволжья (до египтян включительно). А. П. Смирнов остановился также на спорных вопросах изучения пьяноборской культуры, указав на необходимость пересмотра датировки и этнической характеристики городишской культуры. Касаясь дискуссионных проблем этнического облика носителей дьяковской культуры и славянизации финно-угорского населения Волго-Окского междуречья, докладчик указал на нечеткую, с его точки зрения, постановку ряда общих проблем археологии, в частности на неясность вопроса о том, какой степени погребальный обряд может служить этническим признаком. В заключение А. П. Смирнов указал, что IV—V вв. н. э. являются временем первого проникновения славян на территорию междуречья Волги-Оки, подготовившего почву для широкого их проникновения в VII—VIII веках.

Доклад на тему «Этнографический состав, численность и расселение коренного населения Сибири в XVII веке» прочел Б. О. Долгих (Ин-т этнографии). В докладе Б. О. Долгих были обобщены результаты его многолетних исследований в области исторической этнографии народов Сибири. Б. О. Долгих подчеркнул, что реконструкция этнического, племенного и родового состава коренного населения Сибири ко времени прихода русских должна способствовать разрешению сложного комплекса вопросов, в числе которых он упомянул исследование этногенеза, детализацию истории освоения русскими Сибири, изучение истории родового строя у народов Северной Азии. Источниками исследования служат архивные документальные данные, материалы путешествий в Сибирь русских ученых XVIII—XIX вв., работы советских этнографов, археологов и историков, а также данные топонимики и фольклора. Б. О. Долгих указал, что может быть выделено 12 основных этнических групп коренного населения Сибири, в числе которых он назвал обских угров, самоедов, тунгусов, тюркоязычные, монголоязычные и маньчжуроязычные народы, юкагиров, северо-восточных палеоазиатов, эскимосов, айнов (курулов). Каждая из этих групп имела сложную структуру, распадаясь на племена, фратрии, роды и территориальные объединения различных типов. Для народов Сибири XVII в. выявлено более 500 разных подразделений. Докладчик указал, что численность коренного населения Сибири в XVII—начале XVIII в. составляла около 240 тыс. человек. Данные по родоплеменному составу свидетельствуют о значительных этнических изменениях, имевших место с XVII по XX век.

С докладом «Крестьянское жилище и одежда XIX—начала XX в.» выступили О. А. Ганцкая и Г. С. Маслова (Ин-т этнографии). Доклад был построен на материалах Русского историко-этнографического атласа, подготовленного Институтом этнографии. Картографирование основных типов жилища и одежды позволило не только сделать весьма значительный вклад в изучение материальной культуры русского народа, но и осветить ряд вопросов его этнической истории. Схематические карты были составлены по двум периодам (середина XIX в. и конец XIX—начало XX в.). Исследования позволили установить примерные границы расселения и особенностей материальной культуры этнографических групп русского народа—четко выделяются северная и южная группы, специфична по ряду черт средневеликорусская группа. По характеру жилища и одежды выделяется русское население западных и северо-восточных областей, а также крайнего северо-востока.

Т. С. Пассек (ИИМК) сделала доклад на тему «Новые открытия на территории СССР и вопросы позднеэнеолитических культур Дунайско-Днестровского междуречья». Археологические исследования, проведенные в течение последних лет на указанной территории и охватившие памятники трипольского времени, позволили в значительной степени уточнить периодизацию и осветить ряд важных вопросов истории позднеэнеолитических земледельческо-скотоводческих племен, подойти к решению проблемы происхождения трипольской культуры. Существует реальная возможность разработки вопроса о последовательности смены племен Дунайско-Днестровского междуречья в эпоху позднего неолита и энеолита, а также вопросов относительной хронологии.

С докладом об итогах работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1955—1956 гг. выступил С. П. Толстов (Ин-т этнографии). Как сообщил докладчик, в течение первых полутора десятилетий работы экспедиции центральное место занимала проблема общественного строя древнего населения Средней Азии. После разрешения в основных чертах этой проблемы на повестку дня встал новый сложный комплекс вопросов—история древних русел Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи и базирующихся на этих реках ирригационных систем. Разработка этих вопросов ведется широким фронтом—силами археологов, этнографов, геоморфологов и подходит к концу. На очереди стоит исследование истории периферийных по отношению к Хорезму степных племен: это исследование должно по-новому осветить и ряд вопросов истории собственно Хорезма.

С. П. Толстов указал, что рекогносцировочные работы по изучению Акча-Дарьинской дельты (самой древней из северных дельт Аму-Дарьи) в основном закончены. В процессе исследований было установлено, что формирование этой дельты, протекавшее в основном в начале верхнечетвертичного периода, продолжалось и в эпоху геологической современности. Наиболее древние памятники орошаемого земледелия относятся к последней трети II тысячелетия до н. э. В ходе изучения южной и северной Акча-Дарьинской дельты велись раскопки позднеатабагьябского могильника Кокча 3.

тазабагъябского поселения Ангка 5 и рекогносцировочные раскопки поселения Кават 3 В амирабадский период (начало I тысячелетия н. э.) возникают более мощные ирригационные системы, а в раннерабовладельческую эпоху создаются еще более грандиозные сооружения.

В 1955—1956 гг. велись раскопки памятника архаического периода в районе крепости Дингильдже и памятника классического периода — крепости Кой-Крылган-кала Вельс археолого-топографическое исследование каналов Древний Кырк-Кыз и Древний Амирабад и раскопки в этих районах памятников афригидского и хорезмшахского времени. Проводилось исследование крепости Канга-кала (V в. до н. э. — IV в. н. э.), являвшейся форпостом Хорезма на юго-западе и погибшей в результате хионито-сасанидских войн. Особый интерес представляют раскопки крепости на еще более далекой окраине Хорезма — Барак-там и Игды-кала (IV в. н. э.), а также крепости и оссуарного могильника Куяк-кала (V—VIII вв. н. э.).

Богатый материал получен в результате работ этнографических отрядов экспедиции, собиравших данные по пережиткам древнехорезмийской религии и по проблеме патриархально-феодалных отношений у народов Хорезмского оазиса.

В своем докладе «Ранние земледельческие поселения Южной Туркмении» В. М. Массон (ИИМК) осветил результаты работ по раскопкам раннесанауских поселений Джейтун, Кара-Депе, Геоксюр. Докладчик отметил, что древние земледельческие поселения Южной Туркмении тесно связаны с культурой племен центрального Ирана, хотя и образуют своеобразную культурно-историческую область. Одной из черт этого своеобразия является более широкое, чем на территории Ирана, распространение терракотовых статуэток. Выяснение абсолютной и относительной хронологии земледельческих поселений юга Туркменистана связано с исследованием стратиграфии и хронологии памятников Ирана. Соотношение стратиграфии и хронологии Южного Туркменистана и Ирана имеет значение и для исследования происхождения древнейшей земледельческой культуры Шумера. Раннеземледельческие поселения Южного Туркменистана являли собой северную границу древневосточной эйкумены.

С докладом «Новые памятники искусства Пенджикента» выступил А. М. Беленицкий (ИИМК). Он указал, что открытие советскими археологами на территории Средней Азии большого количества древних памятников изобразительного искусства имеет исключительное значение для решения ряда узловых вопросов истории древнего искусства не только Средней Азии, но и Афганистана и Восточного Туркестана. Исследования показали, что Средняя Азия является крупным самобытным центром древнего искусства, имевшим разносторонние связи с другими территориями Востока. А. М. Беленицкий проанализировал ряд образцов искусства Пенджикента, датированных XII — началом XIII в. н. э., усматривая параллели к ним в эллинистическом искусстве и в памятниках Афганистана и северной Индии.

С докладом о проекте издания «Корпуса археологических источников СССР» выступил Б. А. Рыбаков (ИИМК)¹. Докладчик подчеркнул, что приведение в строгую систему огромного фонда археологических материалов является неотложной и важнейшей задачей. Единая система, охватывающая многообразнейшие археологические памятники, должна придать новое качество научным обобщениям. В окончательном виде «Корпус» должен дать: археологическую карту СССР, общую типологию всех древностей, ареалы типов археологических памятников и типов вещевого материала, публикацию результатов раскопок, систему датировок и типо-хронологические сводные таблицы, систематизацию данных о хозяйстве, социальном строе, идеологии, культурных связях и т. д. «Корпус» предполагается издавать отдельными выпусками.

И. Г. Шовкопляс (АН УССР) прочел доклад «Исследования Мезинской палеолитической стоянки в 1954—1956 гг.»². В процессе раскопок вскрыта площадь в 600 кв. м. В культурном слое найдено множество изделий из кремня, кости, бивней мамонта, рога северного оленя; украшения из морских раковин (бусы) и костей животных (всего около 40 тысяч находок за три года работы). Открыты остатки жилища, которое, по мнению И. Г. Шовкопляса, представляло собой шалашевидную постройку. Исключительный интерес представляют обнаруженные раскопками произведения первобытного искусства — браслет, обломок бивня мамонта и пластинки из бивня с орнаментом; наконец, уникальные предметы — лопатка и две челюсти мамонта с узором, нанесенным красной охрой.

Х. А. Моора (АН ЭстССР) в своем докладе «К истории сложения балтийских племен» указал, что Прибалтика, как и центральные районы Европейской части СССР, является одной из периферийных областей распространения индоевропейцев. Существуют две гипотезы о проникновении балтийских племен в районы современного расселения: согласно одной из них (поддерживаемой главным образом археологами) предки балтийских племен пришли из Центральной Европы; согласно другой — из Поднепровья. В отношении «культуры боевых топоров» (или так называемой шнуровой керамики)

¹ См. Б. А. Рыбаков, О «Корпусе археологических источников СССР» (тезисы доклада на пленуме ИИМК в марте 1957 г.), М., 1957 (приложение — тематика выпусков «Корпуса»).

² Доклад И. Г. Шовкопляса, как и доклады Х. А. Моора, Л. Н. Терентьевой и С. А. Таракановой проходили на совместном заседании Пленума ИИМК и Ученого Совета Института этнографии.

Х. А. Моора склонен поддержать гипотезу о средневропейском ее происхождении. В Прибалтику проникновение этого культурного комплекса шло из двух центров — Повисленья и Поднепровья. Докладчик склонен считать носителей «культуры боевых топоров» ранними балтийскими племенами. В заключение своего доклада Х. А. Моора обосновал тезис о различных путях сложения восточной и западной группы балтийских племен, что, по его мнению, согласуется с палеоантропологическими материалами.

Доклад С. А. Таракановой (ИИМК) и Л. Н. Терентьевой (Ин-т этнографии) был посвящен итогам работ Прибалтийской комплексной экспедиции в 1955—1956 гг. Экспедиция объединяет этнографов, археологов, фольклористов, лингвистов из Прибалтийских республик, РСФСР и БССР. В составе экспедиции работают 15 археологических, 3 этнографических и 2 антропологических отряда. Проблемы, стоящие перед экспедицией, многочисленны: первоначальное заселение Прибалтики; локальные группы неолитических племен и племен эпохи неометалла; хозяйственное и культурное взаимодействие прибалтийско-финских, лето-литовских и славянских племен; этнические группы Прибалтики и смежных территорий в эпоху феодализма. Несмотря на то, что известный вклад в разработку всех этих проблем уже сделан, по мнению Л. Н. Терентьевой, необходимо своевременно ликвидировать ряд пробелов в постановке исследований, в частности обратить особое внимание на сбор палеоантропологических данных.

А. П. Окладников (ИИМК) доложил о работах Ангарской археологической экспедиции, работавшей в зоне строительства Братской ГЭС. Верхнеангарский отряд экспедиции вел раскопки Пономарево-ского могильника, имеющего важное значение для установления относительной хронологии неолита и ранней бронзы в бассейне Ангары; в могильнике вскрыты погребения исаковского, серовского и глазковского этапов. Второй раскопанный отрядом могильник — Усть-Удинский (глазковское время) — дал интересные предметы искусства: плоскостные человеческие изображения, подвески, скульптурную головку лося, изображение лягушки (эта находка является пока уникальной). Нижнеангарский отряд работал на неолитическом могильнике Братский камень и вел раскопки трехслойного поселения в местности Монастырский камень (эпохи неолита, бронзы, железа). Экспедицией найдены палеолитические орудия (район Братска); в районе с. Большая Када исследовались петроглифы, наиболее ранние из которых А. П. Окладников относит к неолитическому времени.

В. Д. Блаватский (ИИМК) сделал доклад о раскопках на территории древней столицы Боспорского царства — Пантикапеи, проводившихся в 1954—1956 гг. Раскопки обнаружили ряд античных строительных комплексов, относящихся к VI—V вв. до н. э., а также к эллинистическому и римскому времени. Экспедицией обследовано несколько античных склепов.

С докладом «Проблема происхождения и территория ранних сарматов» выступил К. Ф. Смирнов (Москва). Докладчик указал, что хотя проблема в настоящее время не может быть полностью решена, однако уже сейчас могут быть прослежены некоторые моменты этногенеза сарматов. В состав сарматских племенных объединений в той или иной степени вошли потомки племен, являвшихся носителями катакомбной, срубной и андроновской культур. Большую роль в сложении сарматских племен сыграли взаимоотношения между срубными, тазабагьябскими и андроновскими племенами Поволжья и Южного Приуралья. К. Ф. Смирнов указал, что неизбежно предположить ираноязычность поволжского населения эпохи бронзы — одной из групп предков скифов и сарматов. Ранние сарматы представляли собой большую группу племен, близких друг другу по культуре и языку.

Как и на прошлых пленумах, большой интерес вызвал доклад А. В. Арциховского (ИИМК) о раскопках в Новгороде. Новые яркие данные были продемонстрированы как в докладе, так и на выставке. Среди находок, обращающих на себя внимание прекрасной сохранностью и многообразием, следует назвать 56 берестяных грамот, предметы искусства, клад монет (представлены монеты Саманидов, диргеми Аббасидов и Бувейхидов и др.). Раскопками вскрыты ювелирная мастерская XIV в., две кузницы и участок сада XII века.

Н. Н. Воронин (ИИМК) выступил с докладом «Новые памятники Владимиро-Суздальского зодчества XII—XIII вв. (Ростовский Успенский собор и Покров на Нерли)». Основываясь на материалах Среднерусской экспедиции, Н. Н. Воронин предложил убедительные реконструкции, вносящие существенные коррективы в сложившиеся представления об изученных им объектах.

Ряд интересных докладов и сообщений был заслушан на пленарных заседаниях Ученого Совета Института этнографии.

С отчетом о работах Русской Антропологической экспедиции в 1955—1956 гг. выступил В. В. Бунак (Ин-т этнографии). Как указал докладчик, план работ экспедиции включает лишь основную территорию расселения русского народа и не охватывает сравнительно поздно заселенные русскими области Заволжья, Нижнего Дона и Волги. Экспедиция наметила для исследования примерно 100 районов, приуроченных к определенным линиям. Это прежде всего Верхневолжская линия (в большей части это область владимиро-поволжских, отчасти — среднерусских говоров). Промежуточной является Волго-Окская линия, далее следуют Нижнеокская линия и, наконец, линия, проходящая от верховьев Оки до Ульяновска (граница Московского государства до 1571 г.). Результаты двухлетних работ экспедиции сводятся к следующему: 1) уточнение характеристики и границ ранее выделенного рязанского антропологического типа; 2) выяснение границ валдайского комплекса на востоке, в Поволжье; 3) вы-

деление и характеристика деснинско-донского типа; 4) установление ряда антропологических и археолого-этнографических параллелей.

В. Н. Белицер (Ин-т этнографии) доложила об итогах работ Мордовской этнографической экспедиции, которая вела сбор материала, освещающего историю формирования и развития мордовской культуры (изучались поселения, одежда, жилища, хозяйственные постройки, земледелие и неземледельческие занятия и т. д.).

Сообщение об итогах антропологического изучения мордвы сделала К. Ю. Марк (АН ЭстССР). Как уже можно судить по собранному материалу, мордва представляет собой среднерослую мезокефальную, сравнительно узколицую и высоколицую группу со светлопигментированными волосами и светлыми глазами, в целом относящуюся к европеоидному типу. Некоторый процент монголоидной примеси отмечается у мордвы-мокши. Выделяются два основных антропологических комплекса, наиболее резко отличающихся друг от друга — северо-восточный и северо-западный (последний характеризуется большей примесью монголоидных элементов).

С сообщениями выступили Е. П. Бусыгин (Казанский гос. ун-т), доложивший об этнографических исследованиях в Среднем Поволжье, У. Шалекепов (Кара-Калпакский науч.-исслед. ин-т) — об этнографических работах 1956 г., И. В. Захарова (АН КазССР) — об итогах этнографических исследований 1955—1956 гг., В. Д. Дьяченко (АН УССР) — об антропологической работе на Украине.

К. Л. Задыхина (Ин-т этнографии) выступила с докладом «Работы Южно-Узбекской этнографической экспедиции в 1956 г.». Экспедиция собрала богатый материал, который позволит при составлении Среднеазиатского историко-этнографического атласа показать локальные особенности разных национальных групп и даст возможность сделать вклад в определение культурно-исторических областей Средней Азии. К. Л. Задыхина поставила вопрос о необходимости возможно скорее добиться средств на приобретение коллекций. Я. Р. Винников (Ин-т этнографии) выступил с содокладом о работе Туркменского этнографического отряда.

А. И. Робакидзе (АН ГрузССР) сообщил об основных итогах полевых этнографических работ в Грузинской ССР в 1956 г. Научными учреждениями Грузии были организованы экспедиции в Сванетию, в Мтицхети и др., в частности экспедиции по изучению древней металлургии и процессов добычи и обработки камня.

С докладом о поездке в Корякский национальный округ выступил И. С. Гурвич (Ин-т этнографии). Поездка И. С. Гурвича, продолжавшаяся семь с половиной месяцев, осуществлялась по совместному плану с Институтом экономики АН СССР. Этнографическая работа проводилась среди коряков, эвенов, ительменов.

Об экспедиции в районы Дальнего Востока (Сахалин, лиман Амура и Амгунь) рассказала Е. П. Орлова (Гос. музей этнографии народов СССР, Ленинград). Основное внимание в ее докладе было уделено вопросам изучения современности; во время доклада были продемонстрированы отдельные предметы из коллекций, собранных Е. П. Орловой в обследованных ею районах.

Участники пленарных заседаний Ученого Совета Ин-та этнографии тепло встретили выступление представителя ученых Венгерской Народной Республики Талаши Иштвана, который приветствовал советских этнографов от имени их коллег — венгерских этнографов и археологов и указал на давние и очень тесные связи между русскими и венгерскими учеными. Талаши Иштван выразил пожелание укрепить творческие связи между учеными Венгрии и СССР.

Отвечая на приветствие Талаши Иштвана, председательствующий С. П. Толстов высказал пожелание, чтобы венгерские ученые, так же как чехословацкие и болгарские этнографы, приняли участие в проводимой Институтом этнографии работе по подготовке одного из наиболее ответственных томов серии «Народы мира» — тома «Народы Центральной Европы».

По прослушанным докладам развернулись оживленные прения. Л. М. Сабурова (Ин-т этнографии), говоря об итогах деятельности Мордовской экспедиции, выдвинула предложение об обмене опытом работы между экспедициями. М. Г. Левин (Ин-т этнографии), выступая по докладам В. В. Бунака и К. Ю. Марк, отметил плодотворность метода наложения отдельных комплексов антропологических признаков на карту современных говоров и поставил вопрос о неотложной необходимости сбора современных краниологических материалов. В отношении доклада К. Ю. Марк М. Г. Левин подчеркнул, что, несмотря на небольшие масштабы работ, получены весьма интересные результаты. В качестве общего недостатка, который необходимо исправить в ближайшее время, М. Г. Левин указал на отсутствие согласования материалов, полученных в результате работ Русской антропологической экспедиции и материалов по Мордовии. Выступая по антропологическим докладам, Г. Ф. Дебеч отметил ряд организационных неполадков, в первую очередь имеющую место обособленность работ, проводимых на территории смежных республик. С. П. Толстов выступил с рядом критических замечаний по докладам В. В. Бунака и В. Н. Белицер, в частности обратив внимание на нечеткость представленного В. В. Бунаком картографического материала. С. П. Толстов солидаризовался с Г. Ф. Дебечом в отношении неправомерности ограничения района работ экспедиции. Он отметил, что поскольку была поставлена проблема выявления следов древних восточнославянских племен в соотношении с границами угро-финских племен, сильная густота линий (маршрутов) препятствовала выявлению этих границ. В заключение С. П. Толстов указал на неотложную необходимость антропологического изучения русского населения Сибири.

Б. Х. Кармышева (Ин-т этнографии) и О. А. Сухарева (АН УзбССР) в своих выступлениях остановились на вопросах изучения одежды. Т. А. Жданко затронула вопросы подготовки Среднеазиатского историко-этнографического атласа. И. Ф. Симоненко (АН УССР), основываясь на материалах одежды, сопоставил данные антропологических исследований с этнографическими материалами. Б. О. Долгих, выступая по докладам И. С. Гурвича и Е. П. Орловой, отметил ценность собранных обоими докладчиками материалов по современному положению народов Севера. М. Г. Левин, говоря о тех же докладах, остановился на важном вопросе о переходе кочевого северного населения на оседлость. П. И. Кушнер поставил вопрос о необходимости издания «Списка народов СССР».

Обобщая результаты работы пленарных заседаний Ученого Совета Института этнографии, С. П. Толстов указал, что широкое развертывание этнографических исследований стало возможным благодаря образованию в последние годы многих новых центров этнографической науки в СССР. Особое внимание С. П. Толстов обратил на необходимость решительного усиления комплексных исследований в восточных и северо-восточных районах страны — в Сибири, в Восточном Казахстане, на Крайнем Севере. Заканчивая, он выразил уверенность, что коллектив советских этнографов добьется новых значительных успехов в своей деятельности.

* * *

Сессия, посвященная итогам археологических и этнографических работ в СССР, проведенных в 1956 г., продемонстрировала новые достижения советской науки³. Сессия еще раз показала плодотворность комплексного подхода к решению исторических проблем. Положительным моментом в организации Сессии явилась постановка не только отчетных докладов о полевых исследованиях, но и докладов, посвященных общим дискуссионным проблемам, — это позволило сконцентрировать внимание советских ученых на разработке нерешенных еще вопросов этнографии и археологии.

А. Д. Грач

РЕСПУБЛИКАНСКОЕ СОВЕЩАНИЕ СОБИРАТЕЛЕЙ НАРОДНОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА УКРАИНЫ

Институт искусствоведения, фольклора и этнографии Академии наук УССР 8—11 января 1957 г. провел в Киеве республиканское совещание собирателей фольклора.

На совещание прибыло больше ста пятидесяти собирателей фольклора с мест: рабочие, колхозники, писатели, композиторы, преподаватели фольклора в университетах и педагогических институтах, работники домов народного творчества и краеведческих музеев, представители газет, журналов, занимающиеся на протяжении многих лет благородным делом собирания и записывания народного творчества.

Совещание открылось докладом М. Ф. Рыльского (АН УССР) на тему: «Расцвет народного поэтического творчества на Украине».

Докладчик говорил о народе как о движущей силе истории, творце всех материальных и духовных ценностей, подчеркивая мысль о том, что в процессе создания материальных ценностей зарождаются и выкристаллизовываются те особенности народного мировоззрения, на которых зиждется народное поэтическое творчество.

М. Ф. Рыльский остановился на вопросах сложения дореволюционного фольклора, его значения для литературы и искусства, говорил о взаимодействии профессиональной литературы и народного творчества, об истории его собирания.

Большое внимание в докладе было уделено вопросам советского фольклора. Докладчик резко критиковал тех, кто нигилистически относится к народному творчеству в наше время, кто не признает его.

Говоря об анонимности, устности и коллективности народного творчества, о его непрерывной шлифовке, М. Ф. Рыльский подчеркнул, что в современном творчестве народа имеются такие жемчужины, под которыми охотно подписался бы и талантливый советский поэт.

«Мы даже не представляем себе, — сказал докладчик, — сколько талантов есть у нас среди непрофессиональных поэтов, певцов, танцоров и т. д. Необходимо эти таланты выявлять и содействовать их творческому развитию».

³ Кроме пленарных заседаний, во время Сессии работали секции: археологические — палеолита, неолита и бронзы, археологии раннего железного века, античной археологии, славяно-русской археологии, средневековой археологии Средней Азии, Кавказа, нумизматики; этнографические секции — балтийская, народов Севера.